

Театр Бродвея

Бродвей умирает

Известия из Лондона - 1995 - № 2 - с. 13

Последний вздох Бродвея

Бродвей умирает. Умирает Великий млечный путь - как прозвали нью-йоркцы свою самую длинную и уже конечно, самую суматошную улицу, пересекающую Манхэттен с юга на север.

Бродвей умирает. Бродвей - как синоним театрального мира Нью-Йорка, мира, умеющего всего в нескольких бродвейских кварталах, в районе сороковых и пятидесятих улиц, из тех почти трехста, с которыми пересекается Великий млечный путь в своем нескончаемом беге от Нью-Йоркской гавани до Бронкса.

Мир театра в кризисе. В жесточайшем кризисе. Оселомительность затрат, которых требуют новые постановки и которые растут не с каждым годом, а с каждым месяцем, в абсолютном большинстве случаев никак не компенсируются тем, что дают кассовые сборы.

Продержавшись всего восемь спектаклей, на днях сошла с подмостков Бродвея пьеса, которая была написана как сценическая адаптация фильма "На берегу", того само-

го, что в начале пятидесятих годов принес всемирную славу, культовую популярность молодому Марлону Брандо. Три миллиона долларов, которых потребовала постановка, оказались, как говорят в таких ситуациях американцы, пущены в канализацию.

Ничто другое не свидетельствует, пожалуй, так убедительно о том, в каком положении пребывает ныне Великий млечный путь, как продолжающееся бегство с Бродвея сильнейших американских драматургов. Уже сбежали Дэвид Мамет и Эдвард Элби, поклявшись, что отныне свои пьесы будут отдавать на постановку в театрах небольших, небродвейских, почти в кустарных, в театрах, которые и не принесут, наверное, больших доходов, но которые, во всяком случае, экономичны в степени достаточной, чтобы спектакль не был обречен на умирание уже через несколько дней после премьеры.

И вот - новый удар: Нил Саймон, один из самых плодотворных и самый "лауреатный" драматург сегодняшней Америки - не считая, пожалуй,

только Артура Миллера, объявляет о своей отставке с Бродвея. Объявляет, несмотря на то, что на Бродвее, в районе 52-й улицы, есть театр, носящий его, Саймона, имя - названный так в знак признания заслуг драматурга перед американским сценическим искусством. По словам Саймона, обладателя четырех наград "Тони", двух "Эмми" и Пулицеровской премии, автора "Босиком в парке", "Воспоминания о Брайтон-бич", "Номер в Плазе", десяти других комедий и трагикомедий, его уход с Бродвея - "акт самовывживания": пройдет не так уж и мало времени, говорит он, и Бродвей окончательно и бесповоротно превратится в арену для постановки глянцевого мега-мюзиклов и шпес, которые пишутся и ставятся исключительно в расчете на туристов и в которых искусству драматическому просто не остается места.

Отказавшись давать на Бродвей свою последнюю пьесу "Подлинный номер с названием "Лондон" и санкционировав ее постановку в театре, далеко за пределами Великого млечного пути, Саймон исходил из элементарных бухгалтерских подсчетов: в сравнении с бродвейскими расценками экономия тут будет составлять не меньше ста тысяч долларов в неделю, а дабы все затраты, связанные с постановкой, были окуплены, достаточно того, чтобы каждый вечер в театр приходило всего двести зрителей, готовых платить по сорок долларов за билет.

При таком раскладе легко надеяться на то, что постановка стоимостью, скажем, в треть миллиона долларов принесет кассовых сборов на мил-

лион и, следовательно, с лихвой себя окупит, дав удостоверение не только финансовое, но и, что важнее - моральное и психологическое.

Если бегство крупнейших тротуаргов будет продолжаться, что останется Бродвеем? Как уже сказал Нил Саймон, - мега-мюзиклы, типа тех, что написаны сэром Эндрю Ллойд Уэббером, у которого сейчас одновременно идут на Бродвее три спектакля - "Копки", "Бульвар заходящего солнца" и "Привидение в опере".

Но как ни велик талант Уэббера, спектакли - это все чистойшей воды шоу-бизнес, который, безусловно, обязан быть, но который к тому, что подразумевается под величественным словом "театр", под термином "искусство театральное", имеет отношение самое отдаленное.

Великий млечный путь становится - если не стал уже - дорогостоящим Луна-парком, куда ходят на аттракционы, где визжат от восторга, спускась с "американских горок", и откуда уходят, ничем не всколыхнув свою мысль, но зато пробудив в себе массу простенских эмоций.

С другой стороны, кто говорит, что простенские эмоции есть нечто вторичное, уступающее по значению своему и месту в человеческом бытии усадям чисто интеллектуальным?

Британцы, например, говорят. Говорят и демонстрируют. В завершающемся театральном сезоне в лондонском Уэст-энде, в столичном театральном квартале, осуществлено было 26 новых драматических постановок. На Великом млечном пути - всего двенадцать.

Вместе с тем: чего сравнивать Америку с Британией? Разные миры, разные культуры. Драмтеатр в Лондоне, хотя и ощущает он на себе острую конкуренцию мега-мюзиклов, вряд ли умрет; драматургия не будет из него. А Бродвей умирает. Медленно, но, может, и не верно...